

ГОСТИНИЦА

«МОСКВА»,

№ 424

МНОГИЕ читатели, видно, не впервые встречают в нашей газете этот заголовок. По традиции, мы продолжаем знакомить с гостями столицы, кому 424-й номер «Москвы» становится домом на несколько дней.

Наш новый собеседник —

народный артист СССР

Юрий ГУЛЯЕВ

...НЕПРИВЫЧНО не слушать его — разговаривать с ним, видеть без оперных доспехов, одетого по-домашнему — в просторной темной рубашке. А улыбка та же.

— 424-й... Вот попал, — не то радуется, не то хмурится Юрий; ждешь, что продолжит: «как кур в опилки». — Вчера были у меня москвичи-друзья, предупредили: гость из газеты пожалует. Что у меня интересного? Весь на виду.

— Москвичи рады видеть вас. Любовь взаимна?

— Я родился, вырос в Тюмени, учился в Свердловской консерватории, работал сначала в Донецке, теперь — в Киеве. С будущей женой познакомился в Краснодаре, ездил туда петь. Бывал на гастролях за границей... Вот какой получается список. А Москве в нем особое место. Москва для меня — это

прежде всего друзья. Сколько доброго связано с москвичами — композиторами, музыкантами, певцами. Жаль, времени в обрез, даже с Пахмутовой пока не виделись.

— И не пели для москвичей...

— Концертов, правда, не было. Но петь — пел. «Мелодия» взялась записать мою граммпластинку. Удовольствие работать с оркестром Большого театра.

— Помнится, полгода назад, летом, вы пели Онегина на сцене Большого.

— То был дебют. Теперь мы с оркестром — старые друзья. Так я, во всяком случае, считаю. Записывал арии Елецкого, Мизгиря, Ренато из «Бала-маскарада». Прекрасная опера, а не идет сейчас ни в Москве, ни в Киеве.

— Наверное, многие москвичи хотели бы

спросить вас: не собираетесь ли все-таки петь в столице?

— Вернусь в конце декабря. Приготовил свой скромный новогодний подарок — новую программу: Воронин, Рахманинов, Григ, Шуберт. Нигде не исполнял ее. В Большом зале консерватории будет два концерта. А в этот приезд — только пластинка. Надо быстрее возвращаться: работа в театре, семья. Едва выкроил несколько часов ради съемок на телевидении. Уступил просьбе, и теперь приходится нарушать режим.

— Режим?

— Тот, кто хорошо знает жизнь певца, не удивится. Радостное настроение или плохое, выспался или нет — все голос почувствует. Так что, коли хочешь петь, живи по суровому закону. Теперь вот сына к режиму пытаюсь приучить.

— Будущий певец?

— Не предскажешь. Шесть лет, детский сад. Пока учим музыку... Я и сам иногда играю, пробую сочинять.

— Когда же вы почувствовали власть музыки?

— Сколько помню себя. Мой отец был

счетоводом, два брата сейчас инженеры, сестра — врач. А семью нашу в Тюмени считали музыкальной. Учиться я пошел в музыкальную школу по классу баяна. В консерваторию серьезно не собирался, в Свердловск поехал наудачу, повез несколько песенок. Оказалось, нужны арии, романсы. Остался на подготовительном. На старших курсах начал петь в Свердловской опере.

— Бываете дома, в Тюмени?

— Конечно. Навещу родителей, вдохну сибирского воздуха — и молодею. Знаете, какая наша область? Приглашают: тут, говорят, недалеко, полторы тысячи километров на вертолете. Тайга...

— С ружьем, наверное, бродите?

— Нет. Давно-давно убил... ранил утку. В первый и последний раз. Бросил ружье навсегда. Не по мне.

...Пора прощаться: не зря ведь мой собеседник вспоминал о режиме. День рабочий, а вечером — в Киев. Юрий торопится.

Б. ЯКОВЛЕВ.